

охранялась не такъ строго, какъ эта «Касса ссудъ».

Прямо изъ передней велъ куда-то полутемный коридоръ, терявшійся во мракѣ, а дверь налѣво вела въ пріемную, довольно большую комнату въ два окна. Здѣсь неподалеку отъ оконъ возвышался прилавокъ и рядомъ съ нимъ конторка, выкрашенная черной краской. Вдоль стѣнъ, оклеенныхъ дешевенькими сѣрыми обоями, стояло нѣсколько дрянныхъ, жиденькихъ стульевъ и мягкое обтерханное кресло съ продавленнымъ сидѣньемъ и съ пучками мочалы, вытѣзавшей изъ-подъ изорванной обивки. На одной стѣнѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала, а на другой—видъ Женевского озера, ярко и аляповато написанный масляными красками.

Рядомъ съ пріемной находилась такая же большая комната и также въ два окна. Тутъ хранилась часть заложенныхъ вещей: мебель, ковры, картины—иногда дрянныя, но въ дорогихъ, позолоченныхъ рамахъ, бронзовыя и гипсовыя статуэтки и бюсты знаменитыхъ людей—Наполеона I, Шиллера, Бетховена, Пушкина, висячія стѣнные и столовыя лампы, большіе столовые часы подъ стекляннымъ колпакомъ, зеркала, самовары, мѣдная кухонная посуда и много всякой всячины.

Вся комната была загромождена отъ пола до потолка; только у одного окна оставалось свободное пространство. Тутъ помѣщалась небольшая кровать и возлѣ нея столъ, а на немъ—овальное зеркало въ старинной рѣзной рамѣ, чернильница, перо, карандашъ, ножичекъ и чер-

ная суконка для вытиранія перьевъ, и всѣ эти письменныя принадлежности были разложены въ порядкѣ. Рядомъ стояла этажерка съ книгами и тетрадами.

Узкій проходъ между нагроможденной мебелью. въ видѣ полутемнаго, мрачнаго ущелья, вель изъ этой комнаты черезъ коридоръ въ кухню. Рядомъ съ кухней была кладовая, гдѣ сохранялись платье, мѣховыя вещи, пальто, куски матерій. А далѣе, между этою кладовой и передней, находились небольшая столовая и спальня хозяина—узкая комнатка, гдѣ двое съ трудомъ могли бы разойтись, тѣснясь между стѣной и желѣзной кроватью; въ спальнѣ въ сундукѣ, вмѣстѣ съ разными дѣловыми бумагами, хранились бывшія въ закладѣ болѣе мелкія дорогія вещи, золотыя и серебряныя: часы, портсигары, портмонэ, кольца, перстни, браслеты, брошки и цѣлыя связки столовыхъ и чайныхъ ложекъ; единственное окно этой комнаты къ ночи закрывалось изнутри ставнемъ.

Во всей квартирѣ стоялъ какой-то особенный, специфическій запахъ — запахъ мочалы, старой и много лѣтъ невыколачиваемой мебели. Вездѣ было много пыли и паутины по угламъ. Исключеніе составлялъ лишь тотъ уголокъ въ комнатѣ, загроможденной мебелью, гдѣ стояли небольшая кровать, письменный столъ и этажерка съ книгами: тутъ было все чисто, опрятно и тщательно прибрано.

Въ этомъ грязномъ и пыльномъ, мрачномъ жилищѣ самою мрачною комнатою была пріемная, или «Касса», какъ звали ее домашніе. Съ

неприглядными сѣрыми обоями, со своей скаредной обстановкой, съ запыленными окнами, пропускавшими съ улицы жалкій тусклый полусвѣтъ, эта комната, почти изо дня въ день, была безмолвной свидѣтельницей тяжелыхъ житейскихъ драмъ, свидѣтельницей человѣческаго несчастья, нужды и горькихъ слезъ. Всѣ происходившія здѣсь грустныя сцены, всѣ душевныя муки, пережитыя людьми въ этихъ стѣнахъ, всѣ пролитыя здѣсь слезы наложили, казалось, на комнату свой зловѣщій, мрачный отпечатокъ и придали ей такой жалкій, печальный видъ...

Сюда бѣдняки приносили свои послѣднія цѣнныя вещи, свою послѣднюю утварь, рухлядь, послѣднее теплое пальто, чтобы подъ залогъ ихъ добыть нѣсколько рублей, а иногда лишь нѣсколько копеекъ. Особенно тяжелыя сцены разыгрывались въ этой сумрачной комнатѣ въ зимнюю студеную пору. Полуголодные бѣдняки, продрогшіе на морозѣ, доведенные до отчаянія крайнею нуждой, бывало, подолгу умоляли хозяина ссудной кассы дать имъ побольше денегъ подъ залогъ принесенныхъ вещей и, пересчитывая полученные ими гроши, уходили иногда со слезами, видя, что закладчикъ далъ имъ за вещи втрое меньше, чѣмъ тѣ стоили.

А иногда случалось, что закладчикъ совсѣмъ не бралъ въ залогъ принесенныхъ вещей. Тогда бѣднякъ уже окончательно приходилъ въ отчаяніе.

— Что жъ теперь мнѣ дѣлать!—говорилъ онъ.

— А ужъ не знаю... Мы тоже не можемъ брать всякую рвань!—тихимъ, но рѣшительнымъ тономъ отзывался закладчикъ.

— Помилуйте! Какая жъ это «рвань»! — возразилъ бѣднякъ, встряхивая на рукѣ какое-нибудь пальто или поношенное женское платье.

— Такимъ тряпьемъ только мошь разводить! — не возвышая голоса, замѣчалъ хозяинъ.

— Возьмите, пожалуйста! — упрашивалъ бѣднякъ закладчика.

— Сказано, мы такого не принимаемъ! — неумолимо заявлялъ тотъ.

* * *

Самымъ интереснымъ предметомъ въ этой сѣрой, сумрачной комнатѣ былъ, безъ сомнѣнія, самъ содержатель ссудной кассы, Семень Абрамовичъ Гальборхъ.

Гальборхъ былъ «перекрещенный» еврей, родомъ изъ Южной Россіи, старикъ лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, худощавый, со впалой грудью и до того сутуловатый, что могъ показаться горбатымъ. Въ его волнистыхъ, темно-рыжеватыхъ волосахъ пробивалась сѣдина, а длинная борода его была уже почти совсѣмъ сѣдая. Острый, пронизательный взглядъ темныхъ глазъ, сверкавшихъ изъ-подъ густыхъ, косматыхъ бровей, большой крючковатый носъ, выдающійся подбородокъ и тонкія губы придавали его смуглому лицу странное, фантастическое сходство съ физіономіей хищной птицы. Его длинныя руки съ длинными цѣпкими пальцами, казалось, самою природой были приспособлены къ схватыванію добычи. Своими длинными пальцами старикъ съ изумительной

ловкостью и быстротой постукивалъ на счетахъ, перебрасывая ихъ косточки. Вообще его руки, въ особенности пальцы, обладали такою необычайною подвижностью, что Гальборхъ, вѣроятно, могъ бы съ большимъ успѣхомъ показывать различные фокусы и морочить почтенную публику не хуже всякихъ маговъ и волшебниковъ.

Знакомые смотрѣли на Гальборха какъ на очень богатаго человѣка, хотя денегъ въ его карманѣ никто не считалъ. Самъ же онъ не только не хвастался своимъ богатствомъ, но даже нерѣдко жаловался на то, что «дѣла нынѣ плохо идутъ... ай, какъ плохо», и при этомъ такъ уныло покачивалъ головой и строилъ такія печальныя мины, что, глядя на него въ ту минуту, можно было подумать, что этотъ несчастный человѣкъ—наканунѣ разоренія.

О томъ, какимъ способомъ онъ разбогатѣлъ, шли разные толки. Одни утверждали, что Гальборхъ получилъ въ Польшѣ наслѣдство послѣ одного умершаго родственника; другіе же говорили, что онъ, будто бы, нашелъ гдѣ-то на дорогѣ бумажникъ съ большими деньгами и скрылъ его... Какъ бы то ни было, десять лѣтъ тому назадъ Семень Абрамовичъ, служившій до тѣхъ поръ на побѣгушкахъ у богатыхъ евреевъ, занимавшійся мелкимъ маклачествомъ и коммисіонерствомъ, вдругъ расправилъ крылышки и открылъ кассу ссудъ. Всѣ свои способности, весь свой умъ, бойкій и изворотливый, всѣ свои духовныя силы, всю свою жизнь, каждый ея часъ и каждое мгновенье Гальборхъ

посвящалъ на то, чтобы наживать деньги, какъ можно больше денегъ и копить ихъ, копить и копить. Всѣ помыслы его были направлены на то, чтобы на деньги деньги наживать.

Большую часть дня Семень Абрамовичъ проводилъ за прилавкомъ въ кассѣ ссудъ. Онъ выдавалъ и принималъ заклады, спорилъ, торговался и за вещь, напримѣръ, явно стоявшую 10 рублей, давалъ 3 или 4. Посѣтитель иногда ворчалъ, бранился, говорилъ:

— Какъ вамъ не совѣстно... Бога вы не боитесь!

— А чего жъ мнѣ бояться! — съ увѣренностью въ своей силѣ и безнаказанности, спокойно возражалъ Гальборхъ, какъ бы съ изумленіемъ слегка приподнимая свои косматые брови. — Мнѣ Богъ не велѣлъ же изъ-за васъ разоряться...

Иногда посѣтитель съ бранью уходилъ, изо всей силы треснувъ дверь, словно желая на этой ни въ чемъ неповинной двери выместить всю злобу, кипѣвшую въ его сердцѣ противъ жаднаго, скареднаго ростовщика. Съ минуту по его уходѣ колокольчикъ надъ дверью звенѣлъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, но Гальборхъ уже привыкъ къ такимъ грубымъ выходкамъ и къ неистовому звону своего колокольчика и оставался невозмутимо спокоенъ. Пускай эти недовольные люди сердито рвутъ колокольчикъ, срывають на немъ свою досаду! Звонокъ потерпитъ...

Чаще же человекъ, принесшій вещь въ закладъ, уступалъ Гальборху и уходилъ изъ «Кассы», тяжело вздыхая и уныло понуривъ голову.

А Семенъ Абрамовичъ послѣ того весело потиралъ руки, и блѣдная улыбка, походившая на какую-то кислую гримасу, пробѣгала по его тонкимъ губамъ. Онъ радовался тому, что ему удалось устроить «выгодное дѣльце», а до бѣдняка, умолявшаго его прибавить «рубликъ» и ушедшаго отъ него чуть не со слезами, и дѣла не было ему. Гальборху даже ни разу въ голову не пришло поставить себя на мѣсто этого бѣдняка, постигнутаго горемъ.

Гальборхъ самъ натерпѣлся не мало горькой нужды, самъ голодалъ и дрогнулъ на морозѣ и уже давно сообразилъ, что человѣку безъ денегъ плохо на бѣломъ свѣтѣ. И онъ разъ и навсегда рѣшилъ копить деньги, сдѣлаться богатымъ, «очень богатымъ господиномъ», и подъ старость зажить спокойно, въ полной увѣренности, что его ужъ никто не обидитъ, что деньги защитятъ его отъ всякихъ житейскихъ непріятностей, бѣдъ и напастей, придадутъ ему силу и значеніе вездѣ, во всякомъ обществѣ, во всякомъ уголкѣ земного шара, гдѣ бы ему ни вздумалось поселиться.

Вотъ почему онъ дрожалъ надъ каждой копейкой, и никакія мольбы и слезы не могли растрогать его и заставить вынуть изъ бумажника «лишній рубль». Лишнихъ рублей у него не было никогда. Онъ сказалъ себѣ: «я разбогатѣю!»... И онъ разбогатѣетъ во что бы то ни стало, хоть бы камни съ неба валились. Ему не придется натирать на ногахъ мозоли отъ повседневной бѣготни по городу, ему не нужно будетъ зябнуть и дрожать на морозѣ по цѣлымъ

часамъ; онъ станетъ жить въ довольствѣ, въ теплѣ, будетъ сытъ, одѣтъ, станетъ пересчитывать деньги, и люди будутъ почтительно кланяться ему. Гальборхъ не думалъ о томъ, что вѣдь онъ можетъ разбогатѣть лишь на несчастѣ, на горѣ ближнихъ... Что ему за дѣло до людскихъ страданій! Каждый за себя!.. Все равно вѣдь всѣхъ голодныхъ не накормишь, всѣхъ слезъ не осушишь въ мірѣ... Такъ о чемъ же толковать!

И цѣлые дни Семень Абрамовичъ торчалъ за прилавкомъ въ ожиданіи добычи, какъ паукъ, соткавшій прочную паутину и основавшійся въ твердой увѣренности, что ни одна муха, попавшая въ паутину, не уйдетъ отъ него. Лишь только вздрагивалъ и лихорадочно-тревожно звенѣлъ въ передней колокольчикъ, лишь только послѣ того являлся посѣтитель съ какимъ-нибудь «порядочнымъ» закладомъ, глаза Гальборха начинали поблескивать, а его длинные, жилистые руки съ цѣпкими пальцами уже по привычкѣ протягивались къ принесенной вещи. Тутъ Семень Абрамовичъ, не торопясь, вздѣвалъ очки на свой крючковатый носъ и, фыркая и строя презрительныя гримасы, начиналъ разсматривать принесенную вещь и, небрежно перебрасывая ее съ руки на руку, строго и внушительно говорилъ:

— Куда жъ годится такое старье! Этакимъ хламомъ у меня вонъ вся кладовая завалена... Только мѣсто напрасно занимаешь всякой рухлядью.

Это говорилось, понятно, для того, чтобы сразу же огоршить посѣтителя, чтобы тотъ не слишкомъ-то высоко цѣнилъ свою вещь. Если посѣтитель не соглашался уступить вещь за пред-

ложенную ему сумму и уходилъ изъ «Кассы», сердито хлопнувъ дверью, Семень Абрамовичъ не оставался въ убыткѣ. Если же посѣтителъ уступалъ, закладчикъ могъ быть въ большомъ выигрышѣ. Дѣло въ томъ, что болѣе половины задешево заложенныхъ вещей не выкупалось въ срокъ, дѣлалось собственностью Гальборха, и онъ распродалъ вещи вдвое и втрое дороже того, чѣмъ самъ далъ подъ залогъ ихъ. Вотъ на этихъ-то просроченныхъ закладахъ Гальборхъ и наживался, или, какъ говорилъ онъ про себя, «ковалъ деньги». Зато ему бывало чрезвычайно непріятно, когда приходили въ срокъ выкупать какой-нибудь дорогой залогъ. Это значило, что запутавшейся мухѣ удавалось вырваться изъ паутины и улетѣть на волю.

Послѣ закрытія «Кассы» Гальборхъ, напившись чаю, опять уходилъ въ пріемную и, спустивъ шторы у оконъ, присаживался къ прилавку и, при свѣтѣ тускло мерцавшей жестяной лампочки, принимался сводить счета за день, просматривалъ приходо-расходныя книги и свою записную книжку, испещренную какими-то іероглифами, стучалъ на счетахъ и провѣрялъ деньги въ кассѣ. Это были для Гальборха самыя отрадныя, блаженныя минуты въ жизни. Если бы ему были извѣстны сочиненія Пушкина, то теперь, пересчитывая свои деньги и пряча ихъ въ кассу, онъ, подобно «Скупому рыцарю», могъ бы съ чувствами самодовольства и гордости сказать:

„Послушна мнѣ, сильна моя держава,
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава
Я царствую!“.

Если въ тотъ день «дѣла шли хорошо», Гальборхъ, приподнявъ плечи и потирая руки, расхаживалъ по комнатѣ и иногда отъ восторга даже принимался что-то напѣвать сквозь зубы, а полы его длиннаго потертаго сюртука на ходу такъ и раздувались. Наконецъ, онъ запералъ конторку и, подойдя къ выходной двери, пробовалъ замокъ, трогалъ крюкъ, дергалъ цѣпочку и только уже послѣ того, удостовѣрившись въ прочности запоровъ, бралъ лампу и удалялся на покой.

Вставалъ онъ рано (зимою съ огнемъ); выпивъ наскоро стаканъ чаю, шелъ въ «Кассу» и, взявъ списокъ вещей, срокъ выкупа которыхъ миновалъ наканунѣ, отправлялся въ сосѣднюю комнату или въ кладовую, выбиралъ тѣ вещи и откладывалъ ихъ въ сторону. Съ сегодняшняго утра эти просроченные заклады становились его собственностью.⁶

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Семену Абрамовичу нужно было уйти днемъ изъ дому по дѣламъ, онъ оставлялъ вмѣсто себя своего дальняго родственника, Корейшу, жившаго въ томъ же домѣ и по той же лѣстницѣ.

Моисей Корейша, или просто Мойша, какъ звалъ его Гальборхъ, былъ бѣднякъ, всегда плохо одѣтый, съ космами черныхъ сухихъ волосъ на головѣ и съ обтерханной бородежкой; только темно-сѣрые глаза съ прямымъ открытымъ взглядомъ скрашивали его невзрачное лицо. Онъ былъ немного моложе Гальборха, небольшого роста, широкоплечъ и слегка прихрамывалъ на лѣвую ногу. Гальборхъ вообще съ недовѣріемъ относился къ людямъ, но Моисея Корейшу онъ